

ЛИА ДЖЕЙ

СЕКРЕТНЫЙ*
ИНГРЕДИЕНТ

Маргарита

18+

В КОКТЕЙЛЕ ЕЁ ЖИЗНИ
НЕТ МЕСТА ДЛЯ ЛЮБВИ

Лия Джей
Секретный ингредиент
Маргариты
Серия «Румперия. Шепот любви»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73906837
Секретный ингредиент Маргариты: Эксмо; Москва; 2026
ISBN 978-5-04-245756-2

Аннотация

Маргарита Каблукова – лучшая ученица группы, староста потока и просто пай-девочка.

Но у нее есть секрет: ночами она работает танцовщицей в клубе. Здесь ее знают под псевдонимом Текила – killer в розовом, метко стреляющая по мужским сердцам. Три главных правила Текилы: сверкать, грести деньги лопатой и никогда никому не раскрывать своего настоящего имени. Ведь ей не нужны проблемы.

Однако проблемы ее все-таки нашли. Павел Воронцов, обаятельный однокурсник, узнал девушку в клубе. Святые шпильки! Плакала ее безупречная репутация!

Чтобы ее спасти, Марго приходится вступить с Пашей в фиктивные отношения. Но как играть в любовь, если ты в нее не веришь?

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	35
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Лия Джей

Секретный ингредиент

Маргариты

* * *

© Лия Джей, 2025

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2026

* * *

Для всех идеальных

Глава 1

Слишком веселая ночь

Я честно стараюсь не быть стервой, но, поверьте, с моей жизнью, полной проблем, это просто невозможно.

– Я не буду надевать это убожество!

Раздраженно фыркаяю и бросаю презрительный взгляд на костюм.

– И в чем пойдешь на сцену? Голой?

В гримерке пахнет розовым маслом и лаком для волос.

Мои коллеги-танцовщицы суетятся перед зеркалами, готовясь к выходу в зал: утягивают корсеты, клеят стразы на грудь и натирают бедра глиттером.

Зря.

Стоящую передо мной девицу им все равно не переплюнуть. Она сверкает каждой самовлюбленной клеточкой своего тела. Даже белые афрокосички, доходящие до пояса, и те будто сделаны из чистого золота. Конечно! Это же ведь Пина – жена нашего менеджера. Она всегда записывается первой к Сержу, клубному визажисту, а затем целый час осыпает себя блестками с ног до головы.

Готова поспорить, последней в списке на макияж я сегодня оказалась с ее легкой руки. Завидует моей молодости? Непохоже. Ей самой всего двадцать пять лет, да и фигура у нее отличная. Вылитая статуэтка «Оскар», только с грудью второго размера. Наверняка в этом все дело. У меня своя от природы, а ей пришлось полжизни на пластическую операцию работать. Ведь она хотела увеличить грудь не абы где, а в лучшей клинике Германии. Наверняка без помощи мужа не обошлось.

Пина вскидывает бровь, продолжая сверлить меня выжидательным взглядом. Она трясет передо мной вешалкой с костюмом, напоминая, что рано или поздно мне придется сдать ее и нацепить на себя эту розовую тряпку. Желательно все же «рано», ведь шоу начнется через пятнадцать минут, а мне еще надевать стрипы и наносить блестки.

Но я слишком зла на Пину, чтобы так быстро ей уступить. Уверена, эти дурацкие рукава с рюшами – ее изобретение. Она прекрасно знает, что я терпеть не могу вычурность, и каждый мой новый костюм делает еще более нелепым. Сочувствую дизайнеру, которому приходится выслушивать ее капризы.

Простите, советы.

– Уж лучше голой, чем в этом!

– Ой, смотрите, неужели наша алтайская девственница наконец-то решила работать в полную ногу? – Пина закатывает глаза. Ее длиннющие накладные ресницы с золотыми кончиками на секунду прикрывают брови.

Ладно, с выходом на сцену голышом я, пожалуй, переборщила. Я не раздеваюсь перед клиентами и никогда не буду – ни за какие деньги. В клуб я пришла с четкими принципами, решив танцевать только go-go, high heels и pole dance. И никакие выпады со стороны Пины не заставят меня им изменять.

Я не стриптизерша, а танцовщица.

– Я и так работаю в полную ногу, и одежда мне в этом нисколько не мешает.

– Допустим, – Пина ведет плечом, и белые косички с золотистыми нитями падают ей за спину, – но выпендриваешься больно много. Бери уже и не ломайся! – Она впихивает мне в руки вешалку. На ней болтается маска, прилегающая к наряду. – Ты всех задерживаешь!

Костюм я забираю, но без очередного пренебрежительно-го взгляда не обхожусь. Розовое боди сплошь усеяно стразами. Вшитый корсет отделан бархатом с цветочным узором. К краю декольте прикреплены две ленты, которые, видимо, должны завязываться у шеи в бант. Внизу костюма красуется одна-единственная нитка, настолько тонкая, что ее даже стрингами назвать сложно.

Ну и как тут не скривиться?

– Что тебя не устраивает, дорогуша? Это стиль... Как его? – Пина щелкает пальцами, пытаюсь подобрать слово. – Коко!

– Рококо, – на автомате исправляю я.

Хореограф не случайно выбрал этот стиль. Фривольные взгляды рококо вполне подходят нашему клубу. Вино, танцы, наслаждение – идеальная формула счастья на все времена, будь то XVIII век или XI.

Но читать Пине лекцию я не собираюсь. Вряд ли она со своими с трудом оконченными восемью классами сможет меня понять. «Коко» так «коко».

Значит, будет главной курицей в курятнике.

– Чего вылупилась, дорогуша?

Пина щурится. Из-за ресниц я практически не вижу ее радужку, но помню, что она всегда ходит в сиреневых линзах. От этого ее взгляд кажется кукольным и ненастоящим.

– Думаю, за что ты так меня ненавидишь.

Сама удивляюсь своей искренности.

По лицу Пины проскальзывает тень изумления, но уже в следующий миг она сменяется улыбкой. Кислой, как неудачно купленный на Новый год ананас. Пина наклоняется ближе, и мне становятся видны следы тонального крема на пирсинге у нее в носу.

– За то, что ты слабое звено.

Она сверлит меня холодным стеклянным взглядом несколько долгих секунд, а затем резко выпрямляется и отходит в другой конец гримерки. Я выдыхаю и машу перед собой рукой, прогоняя мерзкий запах ее духов. Они с феромонами, если верить словам Пины, но привлекать новых клиентов не особо помогают. В тот вечер, когда она первый раз ими набрызгалась, даже один из ее постоянников перешел за мой столик.

Удивительно, как он от такой вони вообще из клуба не сбежал.

– Ошибаешься, Пина, – усмехаюсь я ей вслед. – Хореограф так не считает. Да и гости тоже.

Но эта «фифа с золотым налетом» меня уже не слышит. Она собирает вокруг себя девочек и принимается распределять между ними столики, возле которых они будут сегодня танцевать.

У нас в клубе два этажа. На первом расположен бар, танцпол и семь столов. Перед каждым из них установлено по тумбе с пилоном. На них мы танцуем для разогрева, приоткрывая завесу в мир эротики и страсти. На втором этаже прохо-

дит основная часть шоу. Круглая сцена, окруженная черными кожаными диванами, – сердце нашей преисподней. Там же, на втором этаже, по периметру зала расположены private комнаты. Что творится в них, ни богу, ни черту, ни даже нашему руководству в полной мере неизвестно. В vip-комнатах нет камер, единственный способ связи с внешним миром – кнопка вызова охраны, спрятанная в тумбочке на входе. Тот, кто выбрал для нее это место, явно никогда не боялся быть изнасилованным.

А вот у меня после всех рассказов коллег такой страх имеется, поэтому в private я не хожу. К тому же клиенты туда, как правило, не поболтать зовут. Только если голый. А это уже не по моей части.

Снимаю с вешалки маску и кладу ее на трюмо. Резинка слабенькая, того и гляди оборвется. Маска пластиковая, должна быть легкой, но украшений на ней больше, чем ткани во всем моем костюме. Прорези для глаз по кругу обклеены крупными стразами. По краям маски пушатся кружева и синтетические перья. Зря я исправила Пину – похоже, у нас и впрямь стиль «коко».

Мы с коллегами всегда выступаем в масках – благо не таких уродских, как сегодняшняя, – и представляемся гостям исключительно под псевдонимами. Мера предосторожности. Все наши имена – названия алкогольных напитков: Пина Колада, Сангрия, Лонг Айленд. Забавная фишка нашего клуба

– «Мама, я absent»¹, или, как многие его называют, просто «Абсент». Сюда приходят, чтобы потеряться в фантазиях с пьянящими девочками.

Каждый второй хочет выпить нас до дна. А каждый первый – затащить в постель. Но все, что они могут, это просто смотреть, как мы танцуем, и облизываться, нервно теребя ширинку. А еще платить, платить и платить. Попробуют нас тронуть, и секьюрити тут же выкинут их на улицу, не слушая, чьи они сыновья и сколько стоит поло, за ворот которого их держат.

Конечно, бывают исключения, но если не лезть на рожон – и в приваты – то за свою безопасность можно не переживать. Главное, знать правила, тогда и в аду сможешь устроиться. И неплохо заработать.

Мысль о деньгах заставляет меня приободриться. Близится конец месяца. Надо платить за квартиру, а снимать с накопительного счета деньги, отложенные на новые сапожки-качачки, мне совсем не хочется.

Костюм уже не кажется таким ужасным. Я натягиваю его на себя, обуваю розовые стрипы и поворачиваюсь к зеркалу. Оттуда на меня смотрит высокая стройная девушка с пышной грудью навывкат – спасибо корсету. Светлые, почти пепельные волосы стянуты в хвост на макушке. Полные губы покрыты розовым блеском. Оливковые глаза подчеркнуты

¹ Absent – с английского «отсутствующий»; здесь в значении: «Мама, я в отрыве».

идеально ровными, острыми, как кинжалы, стрелками. Готова вонзять их в мужские сердца.

Ах, да! Забыла сказать. Меня зовут Марго. Мне девятнадцать. В вузе я староста потока, лучшая ученица группы и просто пай-девочка. Но есть и другая сторона меня – Текила, killer² в розовом.

Три главных правила Текилы: сверкать, грести деньги лопатой и никогда никому не раскрывать свой секрет. Ведь ни Марго, ни Текиле не нужны проблемы.

– Твой столик – седьмой.

Пина подталкивает меня к выходу из гримерки. От ее «дружеского» жеста я чуть не врезаюсь в дверной косяк. Минувя коридор, осторожно заглядываю в зал, где на тумбах уже крутят попками две мои коллеги. Из колонок льется ремикс песни «Shameless» – The Weeknd. Помню, он же играл на моем первом выступлении.

Точнее – первом провале.

С тех пор прошло чуть больше года, но при воспоминании об этом я все еще заливаюсь краской – от стыда и злости одновременно. Тогда я еще уважала Пину. Попав в новый коллектив, первым делом я выбрала себе наставницу – девушку в золотом, перед которой все танцовщицы преклонялись как перед египетской царицей. Она была для меня звездой, к которой хотелось тянуться, чтобы найти верный путь на

² Killer – «убийца» по-английски; по британским правилам произношения [ки-ла] созвучно с «Текила».

незнакомой местности.

Но не тут-то было! Пина оказалась тем еще Сусаниным. В день моего первого выхода на сцену она дала мне «чрезвычайно ценный совет». Сказала, что лучше всего glitter держится на чем-нибудь жирном. Недолго думая, я схватила стоявший в углу гримерки диффузор с розовым маслом и вылила себе на тело весь флакончик. Неудивительно, что, запрыгнув на шест, я сползла с него, как сползает с вертела обмазанная майонезом курица. И это на глазах у одного из самых щедрых постоянных клиентов, чей столик мне по доброте душевной выделил менеджер. До сих пор интересно, действительно ли он хотел дать мне шанс? Или показать, что я могу и не пытаться стать здесь королевой – трон уже занят его «золотой женошкой»?

Как бы то ни было, в тот день я продолжила танцевать. Перешла с центральной тумбы на крайнюю, у седьмого столика, но продолжила. Я не привыкла сдаваться. Всегда иду до конца, сколько масла мне бы ни вылили под ноги.

И сегодня мне опять досталось это злополучное место. Не люблю его. Хоть столик и расположен у противоположной от входа стены, чувства уединения тут никакого. Прямо перед ним танцпол, сбоку – бар. Стоит повернуться спиной к сидящим на диванчике гостям, и в глаз обязательно ударит луч софита. И скажи спасибо, если следом с танцпола на тебя не прилетит какая-нибудь пьяная туша.

Кстати о пьяных тушах. Посмотрим, кто там развалился у

седьмого столика. Высовываюсь чуть больше из-за дверного косяка. Придерживаю маску за ажурный край и всматриваюсь в полумрак, пронизанный розовым неоном. Так, компания парней. Им лет по двадцать. Студенты, что ли?

Отстой. От таких крупных чаевых не жди.

Может, все-таки мажоры?

Прищуриваюсь в надежде уловить блеск часов «Patek» или хотя бы понтовой цепочки «Mercury»...

Да нет, не может быть! Это что, мой однокурсник?!

За год работы в клубе я ни разу не встречала здесь знакомых. Ничего удивительного. Люди из окружения прилежной ученицы Марго по таким местам не ходят. Не потому что они филологи, нет. Не все филологи – книжные черви. Среди нас встречаются и адекватные люди, любящие тусовки и не любящие Ницше.

Причины другие. Во-первых, цены в нашем клубе выше среднего. На стипендию тут дай бог один коктейль купишь. Во-вторых, сюда в основном ходят мужчины, а парней на филологическом... шаром покати. И все до единого тихони, которых в заведение вроде нашего не затащишь, будь оно хоть единственным свободным бункером во время апокалипсиса.

По крайней мере, мне так казалось. Но вот оно – чудо. Мой однокурсник мирно покуривает кальян за седьмым столиком.

Отлично! Именно туда мне и надо! Прямо в точку, дорогая Пина Колада, спасибо! Шпилькой в яблочко!

Занырываю обратно в коридор и прислоняюсь спиной к стене. В затылок бьют доносящиеся из зала басы. Возможно, все обойдется: у тумб работают дым-машины, да и вообще, я буду в маске, но...

Я ж не чертова Леди Баг! А он не Адриан. Я буду крутиться на пилоне прямо у него перед носом. Он точно меня узнает!

Будь он даже Адрианом, ему и то бы смекалки хватило.

Забегаю в гримерку и начинаю судорожно умолять всех девчонок подряд поменяться со мной столиками.

– У меня постоянник там сидит, нет.

– Это на первом этаже? Нет, Текила, прости. Я выступаю на основной сцене на втором.

– Дорогуша, ты мне еще за прошлый раз должна. Уже за-была, кто прикрывал твой зад, когда ты проспала смену?

Ну да, было дело. Готовилась к контрольной по философии. Как раз по Ницше.

Гора отговорок растет с каждой проходящей мимо меня девушкой. Вскоре эта гора достигает моего носа – становится тяжело дышать. Я не готова прощаться со своей идеальной репутацией в вузе!

Танцовщицы становятся на места. Шоу начнется с минуты на минуту, а я все еще топчусь в коридоре. Может, не выходить сегодня?

Кто-то тыкает меня в спину, и я оборачиваюсь. Это Лонг Айленд, единственный парень в нашей команде танцоров.

Есть теория, что у мужчины длинным может быть только одно из двух: либо нос, либо... кое-что другое. Так вот, когда я первый раз увидела, как Лонг танцует стрип, в этой теории я разуверилась.

Нос у Лонга тоже длинный.

Но гостей это не волнует. Как, впрочем, не волнует и его щербинка между зубами, и вечно грязные волосы. А вот я невольно кривлюсь, когда он сначала заправляет свои лохмы за ухо, а потом хлопает меня этой же рукой по плечу.

– Слышал, тебе не нужен столик. Я подменю.

Сегодня Лонг выступает только в третьей части шоу. Я отлично это помню. Его выход мы отрепетировали столько раз, что потом у меня все бедра были в красных полосах. Лонг должен был обойти зал полукругом, поочередно легонько шлепая нас с девчонками веером. Но почему-то на мне он всегда забывал про слово «легонько». Есть подозрения, что причина его амнезии – Пина Колада, его кузина и соавтор всех сценариев издевательств надо мной.

– А я где буду выступать?

– Нигде.

Лонг дергает плечом, и я замечаю, что он уже успел натереть грудь блестящим гелем и надеть портупею. Думает, я так просто уступлю ему тумбу?

– Ты же сама сказала, что не хочешь.

Не хочу? Заработать? Ближайшее крупное шоу будет только через две недели. Приватные танцы, с которых полу-

чают большую часть дохода мои коллеги, я не устраиваю. А обычные выступления у столов – настоящая лотерея. Сегодня тебе могут подарить браслет с сапфирами – у нас как-то такое было, – а на следующий день не заплатить ни копейки.

Ну уж нет, Лонг, свой хлеб я тебе не отдам! Мне еще казачки покупать!

Но мой однокурсник...

– Или ты не хочешь танцевать в углу, а, Текила? Тебе только номера на главной сцене подавай, да? – Лонг подмигивает мне и смеется. Кажется, будто он говорит это в шутку, но я все равно чувствую яд в его голосе. – Или, может, ты вдруг решила, что работа в клубе не для тебя? Точнее, она тебе не по зубам? Налепила перья, сразу почувствовала себя белой и пушистой? Блин, завидую. У меня таких нет. – Он проводит руками по лиловым панталонам с рюшами и печально вздыхает. – Придется просто все снять. Думаю, кисуни, крутящиеся на танцполе, будут не против.

Лонг испускает смешок, больше похожий на крысиный писк, переступает порожек, но в зал зайти не успевает. Я хватаю его за ремни портупей и оттягиваю назад. Не хватало еще, чтобы он потом на пару со своей кузиной называл меня святошей.

– Не переживай, Лонг, – я выдавливаю улыбку. – После шоу дам тебе померить.

К черту! Не зря же я натянула на себя этот костюм Барби-курицы.

Перешагиваю через подножку, подставленную мне Лонгом, и выхожу к гостям. В последний момент не сдерживаюсь и все же наступаю каблуком ему на ногу. Поскуливание и ругань парня едва слышны в нарастающих басах, но я все равно довольно улыбаюсь. Знаю, это больно. Сколько раз в групповых танцах девочки отдавливали мне пальцы, пока я не научилась нормально держаться на стрипах и не падать на остальных во время перестроений.

Зал наполнен пьяным смехом отдыхающих, музыкой и кальянным дымом. Разноцветные лучи пронизывают воздух иглами, падают мне на грудь и, отражаясь от страза, снова исчезают в светящейся дымке. Каблуки стрипов мерно постукивают, придавая мне уверенности. Корсет привычно стягивает талию. От него вниз по бедрам струятся блестящие нити. Они толком ничего не прикрывают, скорее мешают, путаясь в ногах. Но лучше уж танцевать с ними, чем с каркасами для юбок, которые на нас изначально хотел надеть стилист. Конечно же, без самих юбок, чтобы наряды танцовщиц одновременно соответствовали и рокайльной моде, и стилю нашего заведения. Благо он вовремя вспомнил, что «Абсент» – все-таки не кабаре, а один из лучших столичных клубов и танцуем мы не канкан.

Я обхожу зал по периметру и останавливаюсь за своим столиком, так, чтобы гости пока меня не видели. Их я тоже рассмотреть не могу – спинка у дивана высокая. Оттуда выглядывают лишь растрепанные макушки, и в полумраке я не

могу понять, какая из них принадлежит моему однокурснику.

Оно и к лучшему. Сердце и без того колотится так, будто вот-вот выпрыгнет из грудной клетки и пойдет плясать четку прямо посреди зала.

Ну я и дура! Нужно было пообещать поделить пополам чаевые, тогда кто-нибудь из девочек точно согласился бы меня подменить.

Музыка резко затихает. Софиты гаснут, остается только бледная красная полоска под потолком и зеленые огни настенных торшеров. Вместо лампочек в них вкручены бутылки из-под абсента, разбитые и собранные по кусочкам флуоресцентным клеем. Такие горят повсюду в нашем клубе. Они, как блуждающие огни, водят гостей по мрачной роще пилонов, дурманят голову и сбивают с верного пути. Влекут туда, куда укажет дух «Абсента».

Раздается звон, напоминающий удар колокола. Только нашему диджею могло хватить наглости поставить такое на заставку шоу в стрип-клубе. Звук повторяется, и я выхожу из-за дивана. На третий звон мы с девочками разом поднимаемся на тумбы.

Красный луч.

Первые ноты.

Вторая прямая позиция. Три отработанных движения головой, а теперь несколько восьмерок импровизации – моя любимая часть. Обычно я танцую не задумываясь, таю в му-

зыке и получаю от этого настоящее удовольствие. Что еще можно чувствовать, лишний раз напоминая богатеньким папикам, кто на самом деле правит миром?

Но сейчас... О, сейчас я готова проклясть того, кто следит за дым-машиной, потому что вокруг меня будто нет ни облачка! Слишком уж хорошо мне видно гостей за столом, а значит, им так же видно меня. Поочередно прохожу по ним взглядом и наконец останавливаюсь на парне в белой рубашке.

Боже, кто вообще ходит в клуб в рубашке?

Впрочем, такому, как он, можно было появиться и в тупе, и в мусорном мешке. Все равно эту милую мордашку ничем не испортишь. Острые скулы, прямой аккуратный нос и подсвеченные неоном каштановые кудри. Словно нимб у ангелочка. Паша Воронцов, кажется, так его зовут. Тот самый мой однокурсник.

Паша перевелся в наш вуз в начале года, и мы еще толком не успели пообщаться. Все, что я о нем знаю: он весьма застенчивый и не особо разговорчивый. Я думала, у нас все такие. Но, судя по тому, что вижу сейчас, с подобным определением я явно ошибалась... Одной рукой этот «скромник» держит кальянную трубку, другой – талию моей коллеги. Сегодня она подсадная птичка. Одета как обычная посетительница, постоянно осматривается, будто здесь впервые, и мило улыбается. Никто и в жизни не догадается, что на самом деле она одна из танцовщиц, которая сейчас просто разводит кли-

ентов на коктейли, чтобы потом получить с них проценты.

На меня Паша даже не смотрит. Я вроде должна радоваться, но меня почему-то так и подмывает закричать: «Я для кого стараюсь? Для бармена, что ли?!»

Остальные ребята проявляют больше интереса. Правда, пелятся они исключительно на мой зад. Так псы, получившие команду «сидеть», смотрят на кусочек лакомства, которым водят у них перед носом. К слову, этот кусочек они потом так и не получают, даже если будут очень хорошими мальчиками. Главная задача танцовщиц – разжигать желание, но никогда не удовлетворять его окончательно, чтобы гости хотели приходить к нам снова и снова. И, судя по глазам этих пареньков, я сейчас отлично ее выполняю.

Провожу рукой по шесту, но ногу на него не закидываю. Пока что он тут просто для красоты и, может, легкой перчинки. По программе в первой части мы танцуем только high heels и go-go. А вот во второй придется попотеть с пилоном. Это только со стороны все выглядит так легко и непринужденно. На самом деле, чтобы танцевать pole dance, нужно очень крепкое тело. Нам с девочками приходится часами качать пресс, руки, заниматься растяжкой и отрабатывать хореографию, чтобы добиться этого обманчивого изящества.

Птичка наклоняется к Паше и что-то щебечет ему на ухо. Тот громко смеется, запрокидывая голову назад. На кадык и скулы падают игривые тени, и я невольно сглатываю. Хорош, зараза!

Интересно, у него есть девушка?

Просто интересно.

– Так что, она переезжать не планирует? – долетает до меня обрывок диалога Паши с одним из его приятелей.

– Куда?

– К тебе!

– Так я ж с отцом. Ты как себе это представляешь? – Паша усмехается. – Пап, мы теперь живем втроем с...

Я хватаюсь за шест и повисаю на нем, продолжая другой рукой рисовать фигуры в воздухе. О чем говорят эти двое? Расслышать мне не удастся. Слова перекрывает новая волна музыки. Неожиданно я понимаю, что не помню, какие движения должна делать под этот фрагмент.

Святые шпильки! Какой позор – запороть шоу уже на первой части!

Растерявшись, ослабляю хватку и чуть не сваливаюсь с тумбы. Впопыхах опять хватаюсь за пилон. Что-то падает мне под ноги, и я запоздало осознаю, что это была маска.

Тушите свет, господа...

Правда тушите! Иначе документы на отчисление мне можно будет подавать уже завтра.

Ставим ставки, сколько прочтений в «Подслушке» универа наберет пост с заголовком «Очень плохая училка 3: староста филологов работает в стрипухе»?

Присаживаясь, поднимаю злополучный кусок пластика с перьями и надеваю его обратно. Точнее, пытаюсь, но он там

больше не держится – резинка лопнула. Чертовы килограммовые стразы! Придерживая маску рукой, схожу с тумбы.

– Эй, красотка, ты к нам? – доносится с дивана. – Присаживайся. Можешь даже ко мне на коленки.

Парни свистят и гогочут, а я смотрю на Пашу. Только на него. Ощущение такое, будто под ребрами у меня сейчас собралась вся ледники Антарктики. Воронцов водит по мне изучающим взглядом, чуть прищуривается, дергает уголком губ.

Или это просто луч софита проскальзывает по его лицу? Мне же это кажется, да? Скажите, что он ничего не заметил, прошу!

– Вам помочь? – Паша подается вперед. – Что-то случилось? Вам плохо?

Я спешно мотаю головой, отвожу взгляд и несусь через весь зал к дверям в зону персонала. Конечно же, нам нельзя вот так посреди выступления сходить с рабочего места, но пошло оно все к черту! Образ идеальной, правильной ученицы Марго, который я строила годами, на волоске от смерти! Мне можно!

Вот только Дамир, наш менеджер, так не считает. Он вылавливает меня на краю танцпола, больно хватая за руку.

– Это что такое? Текила, как это понимать?

– Я не могу танцевать у седьмого столика! Там мой знакомый. А у меня слетела маска и...

По тому, как Дамир сжимает губы под жесткими коротки-

ми усами, мне становится ясно, что ему абсолютно плевать.

– Ты серьезно сошла с тумбы из-за маски? У нас девочки стрип танцуют. Думаешь, кому-то есть дело до твоего лица?

– Но это...

– Штраф и отработка сегодняшнего вечера, Текила. Мы это шоу два месяца готовили, а ты все испортила своей глупой выходкой. Посмотри теперь! Что это за рисунок? – Он разворачивает меня лицом к танцполу, но я спешно поворачиваюсь обратно. Вдруг Паша все еще смотрит в мою сторону? – С новой песни чтобы была у стола!

– Сейчас, только маску поменяю.

Чудом я вырываюсь из клешней раскрасневшегося, как рак, менеджера. До двери всего каких-то пара метров, но тут на пути у меня вырастает официант. Со всем энтузиазмом антилопы, несущейся к водопою после часового забега по пустыне, я врезаюсь в него. Поднос опрокидывается, стаканчики с предательским звоном сыплются вниз, и я со своих пятнадцатисантиметровых каблучков падаю вслед за ними.

– Ой, прости, Марго!

Святые шпильки! Что за напасть?

Сверлю взглядом официанта. Светлые волосы гладко зализаны гелем, голубые глаза смотрят участливо, но в то же время с легкой насмешкой.

Да уж, напасть вполне знакомая. Даже слишком. Внимание! Антон Стархов, мой бывший. Человек, которому доставляет особое удовольствие называть меня на работе моим

настоящим именем.

– Больно? – Антон присаживается на корточки и принимается осматривать мою коленку. Чувствую знакомый запах нероли и черного перца. Когда-то мне нравился этот парфюм. Это я дарила его Антону, на Новый год, когда мы еще были вместе.

«Больно ли мне? Да, представляешь, все еще больно! Больно вспоминать наше совместное прошлое. Букеты, конфеты, вино, недосмотренные фильмы... И то, как ты два месяца назад мне изменил!» – хочу закричать я, но вместо этого лишь стискиваю зубы и тихо шиплю, делая вид, что во всем виновата порезанная коленка. Она, кстати, действительно ужасно болит. Я умудрилась приземлиться аккуратно на одну из рюмок. Осколки впились в кожу, еще и спиртное на рану попало.

– Пойдем, обработаю порез.

Антон поднимает меня, обнимая за талию. Через тонкую ткань боди я чересчур хорошо чувствую тепло его пальцев. Делаю над собой усилие, чтобы не отхлестать Стархова по рукам. Хоть умом я понимаю, что парень просто мне помогает, сердце так просто не унять. Обида свежа, как помидоры у того самого приставучего продавца на рынке.

Когда мы добираемся до комнаты персонала, Антон усаживает меня на диван, а сам достает из тумбочки аптечку. Невольно бросаю взгляд на его широкую спину, обтянутую черной рубашкой, и тут же отворачиваюсь. Не хватало мне

еще на бывшего пялиться!

Антон находит пинцет, баночку с перекисью и ватные диски. С видом настоящего профессионала – я имею в виду, с его обычной самоуверенной миной – он садится передо мной на корточки и аккуратно проводит пальцем около раны. На руке сверкают массивные кольца. Антон не расстается с ними даже на работе.

Стархов принимается вытаскивать осколки, периодически вытирая пинцет о ватный диск. Боль в колене становится настолько незначительной по сравнению с тем, что творится у меня в душе. С момента расставания это первый раз, когда мы снова оказались с Антоном вдвоем, без посторонних. Я даже не знаю, о чем с ним говорить. И вообще, стоит ли?

– Может щипать, – предупреждает он и тут же выливает мне на коленку перекись. По ощущениям – раскаленную лаву.

– Черт! Сколько там процентов? Все сто?!

– Три всего, – Антон вертит в руках пузырек.

– Надо было на диск налить и приложить. – Я закусываю губу, но тихий стон все же вырывается. Антон ухмыляется. На лоб ему падает светлая прядь. Он приглаживает ее рукой и бросает на меня задорный взгляд.

Видимо, тоже кое-что вспомнил...

Святые шпильки! Девочки, никогда не встречайтесь со своими коллегами! Или еще на первом свидании заключайте письменный договор о том, что парень сменит место работы,

если вдруг вы расстанетесь. Поверьте, видеть своего бывшего так часто и не иметь возможности от него избавиться – худшая из всех существующих пыток!

Антон снимает с меня туфли и проводит рукой по голени. Затем, воспользовавшись моим замешательством, скользит ладонью выше. Серебристые нити сползают по внутренним сторонам бедер. Антон тянется, чтобы убрать их, но я перехватываю его руку. Голубые глаза словно спрашивают: «Что-то не так?»

Ему хватает наглости так на меня смотреть!

– У меня коленка болит. Только коленка, Стархов.

И сердце еще, но это я ему показывать не собираюсь.

– Подуть? – Антон облизывает губы и растягивает их в легкой улыбке. Что его так веселит, я не пойму?

– Ага, поцелуй еще!

По тому, как ядовито звучат мои слова, вполне можно было бы понять, что я издеваюсь. Но Антон вдруг берет и действительно целует меня – в краешек губ. Я чертовски хочу дать ему пощечину, однако, замерев от неожиданности, не успеваю этого сделать. Антон скрывается за дверью.

Козел!

Даже аптечку не удосужился обратно положить.

Коз-ли-на!

Стягиваю с волос резинку и роняю голову на руки. Светлые локоны рассыпаются по плечам и закрывают лицо. Хочется спрятаться ото всех, желательно дома с пледом, ведер-

ком фисташкового мороженого и каким-нибудь слезливым романчиком. Или подборкой самых кровавых true crime историй, тоже было бы неплохо. Эх, недостижимая идиллия!

Коленка пульсирует так, будто там кто-то разжигает жертвенный костер, да еще и вокруг него пританцовывает. Чувствую, на работу я смогу выйти не раньше чем через неделю. Может, действительно устроить себе мини-отпуск? Дамир будет злиться, но так-то у танцовщиц нет нормированного графика. По договору мы можем выбирать смены сами и выходить хоть раз в неделю, хоть раз в месяц. Вопрос только в том, возьмет ли тебя хореограф на групповое представление с таким посещением. И в том, сколько ты заработаешь, если будешь появляться в клубе как ясно солнышко. Благо за квартиру мне пока платить есть чем. Единственное, придется в этот раз обойтись без казачков. Ну или купить их в рассрочку. В следующем месяце у нас будет вечеринка в стиле 80-х. Такие мероприятия богаты на кабанов-толстосумов – мужиков за пятьдесят, обросших жиром и излишним самомнением, мерзких, но до неприличия щедрых. На сапожки точно хватит.

Что ж, подбираем сопли, Текила, и за дело. Хлопаю себя по коленям. Ногу пронзает новая вспышка боли.

Истинная блондинка! И неважно, что волосы крашеные. Морщась, поднимаюсь и выхожу из гримерки. Хромая, как подбитая куропатка, направляюсь к стойке администрации. Хочу пожаловаться руководству на моего растяпу-быв-

шего и написать заявление для ухода на больничный.

За стойкой администрации меня встречает какая-то лупоглазая брюнетка с бейджиком «Анфиса». Похоже, новенькая. Я убеждаюсь в своей правоте, когда мне приходится потратить полчаса на то, чтобы объяснить ей, кто я и что мне от нее нужно.

– Текила, – нервно говорю я, когда она спрашивает мое имя для заполнения бланка.

– Думаю, тут нужно настоящее, а не псевдоним.

Анфиса хмурится, всматриваясь в буквы так, будто перед ней не мое заявление, а договор на кредит. Причем тот самый раздел мелким шрифтом, где обычно пишут, какую именно почку будут вырезать, если задержать выплату на одну миллисекунду.

– Нас всегда по псевдонимам записывают.

Я нетерпеливо барабаню ногтями по черному мрамору стойки, но это неслышно. Звук утопает в музыке из зала. Играет «Do It For Me» – Rosenfeld. Началась вторая часть шоу. Наверняка Пина Колада там сейчас отжигает у своего золотого шеста. А Лонг, вероятно, занял мое место у седьмого столика.

Надеюсь, у них сломаются каблукки.

– Тут стоит «Ф. И. О.».

Администраторша недоуменно хлопает ресницами, протягивая мне заявление.

Святые шпильки, где она это нашла? Мы всегда – ВСЕ-

ГДА – подписываемся псевдонимами!

Я выхватываю заявление и припечатываю его к столешнице. Чуть отодвигаю стоящую рядом вазу с букетом – подарком одного из клиентов клуба. Некоторые гости думают, что если они будут оказывать нам с девочками знаки внимания, то наш интерес к ним тоже возрастет. Наивные. Возрастает он только к их кошелькам. Нет, ну вы видели, сколько сейчас стоит одна роза? Это какой должен быть доход, чтобы выбрасывать такие суммы на пахучие веники?

Разглаживаю лист и принимаюсь искать нужную строчку. Тусклый желтый свет над стойкой периодически сменяется красным, и это еще больше нервирует. Анфиса с беспечным видом наматывает на палец смолянисто-черный локон. Мимо проходит симпатичный парень, и кокетливость администраторши повышается на пару делений. Еще и глазками стрелять успевает. На рабочем-то месте!

Ладно, зря я на нее срываюсь. Сама сегодня отличилась.

Но это не значит, что теперь она может развлекаться, пока я мучаюсь с этим дурацким заявлением!

К стойке подходит паренек в техно-очках и с ниткой жемчуга на шее. Жертва попала на крючок. Кажется, он сидел у меня за столиком. Да, точно, слева от Паши. Это с ним Воронцов обсуждал переезд. Парень поднимает очки и кидает многозначительный взгляд на декольте Анфисы. Та, как русалка, выныривает из-за стойки, облачиваясь на нее. Теперь парень почти что касается носом ее щеки. Начинает-

ся представление «Мне искренне интересен твой широкий кругозор, узкая специальность и два высших образования». Стоящая в стороне компания ребят, судя по всему, его приятелей, подбадривающе свистит. Самый прямолинейный из них отпускает Анфисе комплимент про шикарные «тительки», затем внимание смещается на мой розовый «персичек», и тут я уже не выдерживаю. Жестом подзываю Анфису. Она оставляет паренька без особого сожаления.

– Каблукова Маргарита Сергеевна, – протягиваю я ей заявление. Оказывается, форму поменяли. Теперь там действительно стоит «Ф.И.О.». – Ручку дашь или сама напишешь?

– Каблукова, – бурчит Анфиса себе под нос, заполняя документ. – Маша?

Она кивает мне, и ее сережки с ракушками покачиваются, будто метроном, измеряющий мое терпение.

– Маргарита.

Святые шпильки, и как эту рыбку только взяли к нам на работу? Неужели так сложно запомнить имя, которое я произнесла уже тысячу и один раз?

– Марина? – перекрикивает доносящуюся из зала музыку Анфиса. Она улыбается так, будто мы с ней сидим на качелях посреди детской площадки и заполняем анкету лучших подруг.

Я практически перевешиваюсь через стойку и произношу по слогам:

– Мар-га-ри-та.

Звучит это так, будто я звуковыми волнами пытаюсь срубить толстовский дуб.

Мысленно прошу Анфису простить меня за негатив, которую я только что на нее вылила. Я знаю, она ни в чем не виновата. В первые дни в «Абсенте» я тоже была рыбкой-несмышленьем. Так бы ею и осталась, если бы не Сангрия, самая старшая из танцовщиц, взявшая меня под свое крыло после того предательского розыгрыша Пины.

Но, с другой стороны, у меня сегодня была веселая ночь. Даже слишком. Так что, извините, имею полное право!

– Маргарита, значит? – слышу я знакомый голос.

Парень опирается локтем на стойку слева от меня. Медленно перевожу взгляд с закатанного рукава белой рубашки на ухмыляющееся лицо. Карие глаза бесстыдно скользят по моему полуголому телу: останавливаются на мгновение на усыпанной стразами груди, затем переходят на бедра, едва прикрытые серебристыми нитями, и наконец находят мои глаза.

Маска... Кажется, я оставила ее у бара, среди осколков. Если, конечно, Антон ее не подобрал и не отнес в комнату персонала. Впрочем, уже не важно.

НА МНЕ ЕЕ НЕТ!

– Я не знакомлюсь.

Резко отворачиваюсь от Паши, совершенно «незаметно» прикрывая лицо рукой. Анфиса хихикает, видя мои расши-

рившиеся от паники глаза. Перевожу взгляд на торшеры за ее спиной. Зеленые огоньки ехидно мерцают. Стальные прутья, обхватывающие горлышки бутылок, будто шевелятся. Мне кажется, я даже слышу скрежет, с которым «Абсент» в предвкушении драмы потирает свои металлические руки.

– Я тоже не знакомлюсь...

Паша легонько дергает меня за хвост. Я не оборачиваюсь. Тогда Воронцов решает пойти ва-банк. Он опирается руками на стойку по обеим сторонам от меня. Ладно, прятаться явно поздно. Вскидываю подбородок, ловя взгляд парня.

– ...с теми, с кем уже знаком, Маргарита Каблукова.

Глава 2

Подстава в вузе

Выхожу из аудитории, довольно улыбаясь. Тест по языкознанию написан, и я более чем уверена, на высшее количество баллов. После работы я так и не ложилась спать. Все утро зубрила термины. И до этого готовилась еще неделю. Глаза закрываются, хоть спички вставляй, но отдохнуть в ближайшее время мне вряд ли удастся. Как старосте мне еще предстоит составить кучу списков, подать их преподавате-

лям, вычислить должников и выбить из них домашку.

– Марго!

Я оборачиваюсь.

Паша.

Потенциально опасная личность, которая может знатно подпортить мне жизнь. В клубе на ресепшене я устроила целое стендап-представление. Сначала заявила Паше, что перед ним моя сестра-близнец и, да, ее тоже зовут Маргарита. Воронцов рассмеялся мне в лицо. А какой реакции я ожидала?

И все же это сработало. Мой захватчик потерял бдительность, и я тут же вырвалась из плена. В процессе еще «ненароком» свалила со стойки вазу. Паша попытался поймать ее, но не успел. Кто именно собирал потом осколки, я не знаю. Под шумок я сбежала в гримерку и вышла оттуда час спустя, чтобы наверняка не пересечься с Воронцовым.

Надеюсь, ему хватит такта не говорить со мной в вузе о той встрече.

– Марго, – тянет он с хитрой улыбочкой. – Или, может, лучше звать тебя Текила?

А он времени даром не терял. Похоже, выведал у Анфисы мой псевдоним.

– Тише!

Я кошусь по сторонам. На обеденном перерыве студенты выползли из аудиторий и расселись на диванчиках, как стрижи на проводах. Пока они чирикают о своих делах, но, уве-

рена, стоит им узнать, что староста второго курса филологов крутится у шеста, как они найдут более интересную тему для обсуждений.

Стараюсь придать лицу беспечное выражение, чтобы никто ничего не заподозрил. Закидываю на плечо сумку с ноутбуком и спешу к лифту. Коленка ноет, и я стискиваю зубы. Беги, Форрест, беги! Ты же не хочешь неприятностей?

Паша догоняет меня на повороте.

– Почему ты раньше не говорила про?..

Разворачиваюсь и пронзаю его многозначительным взглядом. Воронцов замолкает и останавливается в шаге от меня. Хватаю его за рукав рубашки – она опять белая, не удивлюсь, если все та же из «Абсента», – и утаскиваю в коридорчик, служащий проходом между корпусами. Здесь почти нет народу, только пара человек стоят у стенда с информацией. Судя по тому, как живо они обсуждают перенос пар из-за выборов, наверняка политологи. Люди увлеченные и немного не от мира сего. Отлично, за свидетелей можно не считать.

Впечатываю Воронцова в стену. От неожиданности он поддается, затем скрещивает руки на груди и выжидающе скидывает брови, делая вид, что все так и было задумано и что хозяин ситуации здесь он.

– А разве мы с тобой до этого общались? – я выпускаю смешок, но он выходит сдавленным.

– Нет, но можем это исправить.

«Нет, но можем это исправить!» – мысленно передразни-

ваю его. Сначала к стойке прижал, как альфац недоделанный, теперь это... Дорам пересмотрел, что ли?

И вообще, у него же девушка вроде есть. Как я поняла из Пашиного разговора с другом в клубе, она планирует вскоре к нему переезжать.

Воронцов пристально смотрит на меня одну, две, три секунды... Его карие глаза настолько близко, что я могу разглядеть пятнышки на радужке. Они похожи на частички молотого кофе, которые всплыли на поверхность и теперь кружатся в чашке пленительным вихрем. Пару минут, и они оседают на дно.

Вот только я смотрю на Пашу по ощущениям уже целую вечность, а пятнышки все никак не исчезают.

Должна признать, парень очень даже в моем вкусе. Высокий – выше меня, что с моими ста семьюдесятью пятью сантиметрами большая редкость. Каштановые кудри чуть прикрывают уши. Кожа, гладкая и чистая, сверкает, будто мрамор. Неужели он знает про существование пенок для умывания? Девочки, это бинго! Вот он – идеальный парень! Будь я в режиме Текилы, наверняка бы ответила на его флирт.

И черт с ней, с девушкой. Не стенка, подвинется.

Но все же сейчас я Марго, а не Текила. Непрístupная и сконцентрированная исключительно на учебе. Поэтому мне приходится дать себе мысленный подзатыльник, оторваться от глаз моего однокурсника и перейти к делу.

– Исправить тебе нужно ситуацию с фонетикой, – я тыкаю

пальцем ему в грудь. – Месяц уже прошел, а ты ни одной работы еще не сдал. Нелли Олеговна за тобой бегать не будет. Она не я.

– Что-то я не припомню, чтобы ты за мной бегала, – Паша делает шаг вперед, убирая руки в карманы брюк цвета пережаренного кофе. Металлическая пряжка с головой гончей. Trussardi. Интересно, оригинал? – Только танцевала рядом. Кстати, вполне неплохо.

Я вспыхиваю. То ли от злости, то ли от смущения. Мимо, как назло, проходит компашка француженок-переводчиц. Они идут в другой корпус, но делают это очень и очень медленно. А еще все время оглядываются на нас с Пашей. Того и гляди шеи свернут! А потом восстанут из мертвых и обязательно растреплют всему универу мой секрет, стоит им только его узнать. Француженки в нашем вузе главные по сплетням.

Ну все, пора спасать свой розовый «персичек».

Я подхожу к Паше вплотную и с улыбкой, в меру хищной, громко шиплю:

– Слушай меня, Воронцов. О сегодняшней ночи никому ни слова. Понял?

Паша сжимает губы, но уголки все равно ползут вверх. В конце концов он не сдерживается и усмехается, проведя ладонью по кудрям. Белая рубашка бежит складками по плечам. Она все еще пахнет сладким кальянным дымом. Точно с «Абсента».

– Какой еще ночи? – слышу я удивленный голос в дверях. За ним следует цокот туфель и деловитое покашливание.

В коридорчик проходит Вика Королева, моя лучшая подруга.

Вот подстава!

Если появились переводчицы, можно было догадаться, что скоро придет и она. Вика почти все перерывы проводит с ними в туалете, обсуждая всех и вся. Будь у меня больше свободного времени и меньше бланков отчетности, которые ежедневно нужно доставлять в деканат, я бы тоже к ним заглядывала. Люблю подобные крыс-советы. Пять минут болтовни, а эмоций как от прочтения хорошей подростковой драмы. У француженок-переводчиц всегда есть чем поделиться – Вика мне потом все эти новости передает, – и я не вижу в этом ничего плохого. Интерес к чужой жизни – это нормально. Мы ведь следим за блогерами в соцсетях, а потом обсуждаем их с друзьями или просто с незнакомыми людьми в комментариях. И это почему-то никто не называет «перемыванием косточек». В общем, сплетни я люблю.

Но только если они не обо мне.

А судя по виду Вики именно их сейчас она и хочет узнать. Ее густые брови сдвинуты, в глазах горит неподдельный интерес, я бы даже сказала маниакальный. В руках она сжимает голубую сумку из бусин. В нее толком ничего не влезает, поэтому ноутбук со всеми конспектами и учебниками из нас двоих ношу только я. «Красота требует жертв», – пожимает

на это плечами Вика. Мне очень хочется спросить, почему именно моих жертв, но я сдерживаюсь. Все равно это ничего не изменит. Королева чрезвычайно падкая на тренды, на грани болезни.

– Марго-о-о, какой ночи?

Вика кладет мне руки на плечи. Ногти настойчиво впи-
ваются в кожу. Темные волнистые волосы будто шевелятся
от нетерпения. Ни дать ни взять Великий инквизитор в жен-
ском обличи!

– Какой ночи? – я невинно хлопаю ресницами.

Краем уха слышу, что политологи уже оставили в по-
кое выборы и перешли на обсуждение «санитарных проблем
Черноморского побережья». Невольно вспоминаю, как мы с
семьей ездили в Сочи. Мне было десять лет, уже не ребе-
нок, но еще и не подросток. Папа тогда решил этим восполь-
зоваться и сэкономить – взять номер с двуспальной кроват-
тью. Всю неделю я ворочалась на стыке матрасов. Зато от го-
стиницы до моря было недалеко – так мы думали вначале.
На деле же дорога туда и обратно занимала час. Ненавист-
ный час, каждый день превращавшийся в два из-за мамино-
го желания за этот отпуск впитать в себя витамина D на всю
оставшуюся жизнь. Единственное, что меня радовало в той
поездке, – прибрежное кафе, из которого по утрам шел ма-
нящий аромат шоколадных вафель. Как-то раз я попросила
папу купить мне эти вафли, но он почему-то решил, что чур-
чхелу с подноса одного особенно разговорчивого кавказца я

хочу больше. По количеству прилипших к ней мошек и песка можно было бы догадаться, что сделана она была там же, на пляже. Для приличия стоило хотя бы помыть ее в море. Но я этого не сделала. И потом мучилась с животом еще два дня.

– Сочи... Я сказала Сочи, а не ночи, Вик.

Я высвобождаюсь из ее хватки и киваю в сторону Паши.

– Воронцову надо сделать реферат про... диалекты народов Черноморского побережья.

– Это по какому предмету?

Вика бросает на меня недоверчивый взгляд. Глаза превращаются в черные щелки.

– Это дополнительное задание по фонетике. Нелли Олговна дала шанс нашему прогульщику получить зачет.

Я хлопаю Пашу по плечу. Чуть сильнее, чем следует, чтобы он и не подумал вставить свои пять копеек. Между прочим, по фонетике у Воронцова действительно много пропусков. Как и по всем остальным дисциплинам. Преподаватели то и дело спрашивают у меня причины его отсутствия, но я лишь развожу руками и мило улыбаюсь. Иногда еще добавляю, что он, скорее всего, «черпает знания в домашних условиях».

Кошусь на Пашину мятую рубашку. Сегодня Воронцов, похоже, тоже усердно занимался... кхм, познанием чужих тел. Вопрос только, в чьих «домашних условиях».

– Про реферат я тебе сказала. Все, миссия выполнена!

Я убираю руку с плеча Паши и думаю уже ретироваться,

но тот усмехается.

– Ага, реферат! Больше тебя ничего не интересует, Те...

Я вонзаю в Воронцова убийственный взгляд. Чуть заметно киваю в сторону не вовремя оказавшейся рядом свидетельницы. Хоть Вика и моя лучшая подруга, про работу в клубе она не знает. И знать не должна. Ей я говорю, что на самостоятельную жизнь в столице зарабатываю репетиторством по английскому.

– Марго, – исправляется Паша. В карих глазах вспыхивают искорки, которые, уверена, ни к чему хорошему не приведут. Вот так, мне кажется, и смотрел Парис на пятку Ахиллеса.

Вика переводит внимательный взгляд с меня на Пашу и обратно. Затем складывает руки на груди, и я понимаю: где-то я прокололась.

– Да что здесь происходит? Вы что, спите вместе?!

– Нет! – отвечаем мы с Воронцовым в один голос.

– Точно спите.

С видом, будто ей теперь весь мир понятен, Вика лезет в сумочку, достает оттуда жвачку и принимается вальяжно ею чавкать.

– Божечки, нет, тут просто возник один вопрос...

Я размахиваю руками, пытаюсь вытащить из воздуха оправдание. Заодно незаметно тыкаю Пашу в бок. Давай, Воронцов, подыграй мне! Ты же не хочешь, чтобы весь вуз думал, что я твоя девушка? Ведь если так будет считать Вика,

это скоро станет общеизвестным фактом. И что скажет на это твоя настоящая девушка?

– Вопрос с...

– С теорией коммуникации. У Марго. Она все не может разобраться с последней темой.

Воронцов опускает взгляд на экран телефона. Хочет спрятать глаза, чтобы ложь прозвучала правдоподобнее? Фух, не все еще потеряно!

– Там было что-то про двойников, кажется, или двойственность, точно не помню.

Конечно, не помнит. На этой потоковой лекции он мирно посапывал на последней парте.

– Двойственность природы языка по Якобсону, – я закрываю глаза.

– Да, она самая, – Паша щелкает пальцами, отрываясь от телефона. – Как ты и просила, объясню тебе ее завтра. А ты поможешь мне. Идет?

Я оторопело смотрю на Пашу. Я его просила, значит? Я, победительница регионального этапа Всероссийской олимпиады по русскому языку в одиннадцатом классе и двукратный призер заключительного этапа в десятом и одиннадцатом классах, студентка, закрывшая все предметы первого курса на отлично, просила помочь с какой-то теорией коммуникации? Какая наглость!

И еще я взамен что-то должна сделать. Ультиматумы мне тут ставит! Что он от меня хочет, интересно? Ему ведь явно

не фонетика нужна. Не понимаю. Только догадываюсь...

Но мне в любом случае придется заключить с Воронцовым сделку. Под угрозой моя идеальная, кристаллически чистая репутация в вузе. Что бы он ни задумал, это все же лучше раскрытия моего секрета.

– Ладно.

Поджимаю губы и добавляю, чтобы Вика ничего не заподозрила:

– Я поговорю с Нелли Олеговной по поводу твоего зачета.

– Отлично!

Паша довольно улыбается. Затем протягивает мне телефон с открытой вкладкой мессенджера.

– Дай свой номер. Спишемся потом. Скажешь, что Нелли Олеговна ответила.

А номер мой ему зачем? Будет звонить в три часа ночи и дышать в трубку? Или просто отправлять мне сообщения с угрозами? «Если сейчас же не сделаешь за меня домашку по языкознанию, расскажу всем про клуб?» Так, что ли?

Я бы сделала, кстати. Сию же секунду.

Номер я все-таки оставляю. Попутно замечаю, что у Воронцова последняя модель айфона. А папа мне еще говорил, что на филологии в педагогическом обеспеченных парней не будет. Как и любых нормальных.

– Завтра на перерыве встречаемся в кафе на первом этаже. Прочитаю тебе лекцию.

Паша подмигивает мне и направляется к лестнице.

Рано ты, Воронцов, в преподы записался. Такими темпами ты и вуз не окончишь – отчислят.

Стоп! А почему это он идет вниз? К выходу?! У нас еще одна пара по спецфилологии!

Точно отчислят.

Хочу догнать Воронцова и на правах старосты вернуть его в ряды страдальцев, но Вика не дает мне этого сделать. Она встает у меня на пути, опять хватает за плечи и принимается неистово трясти. Со стороны я сейчас наверняка выгляжу как игрушечная собачка на торпедо машины.

– Это что, свидание?! Свидание, да? Свидание! Это точно свидание, Марго!

Викины глаза горят ведьминым огнем. Готова поспорить, пока она со стороны наблюдала за нами с Пашей, она уже успела узнать знак зодиака Воронцова, расшифровать его натальную карту, проверить нашу совместимость и найти себе медитацию, которую она включит фоном, собираясь на нашу свадьбу.

– Ага, жди! – фыркаю я, когда Викин пыл немного стихает, и подруга наконец оставляет меня в покое. – Это исключительно деловая встреча.

Телефон вибрирует, и на экране высвечивается сообщение от Воронцова:

Наденешь завтра стрипы, Текила? Они тебе идут.

Подмигивающий смайлик. Бесит. Наверху горят кнопки «Добавить в контакты» и «Заблокировать». Рука так и тя-

нется ко второй, но я вовремя себя останавливаю.

Цена слишком высока – мой секрет.

Глава 3

Сладкая банальщина

Утро начинается с трели уведомлений. Еще до того, как захожу в мессенджер, я знаю: они от Королевы. Спасибо звуку «Diamond», который Вика специально скачала и поставила на свои сообщения. Ни один из предложенных в настройках ее, конечно же, не устроил. Королева обожает выделяться, всегда и везде.

Вика делает все возможное, чтобы выглядеть подобающе своей фамилии. В паспорте ей забыли поставить точки над

«е», и уже в четырнадцать лет Вика просекла, что этим можно пользоваться. Переучила всех учителей произносить ее фамилию по-новому и установила в соцсети статус «Зови меня просто королева Виктория». Я на правах лучшей подруги принципиально называю ее «неправильно», отчего Вика бесится. Ну, извините! Не могу я называть воровку моих помад Ее Величеством!

Свешиваю руку с кровати и со все еще закрытыми глазами принимаюсь водить ей по полу. Где-то тут должен быть телефон. Дзынь! Шмяк! Моя рука окунается во что-то мокрое.

Черт! Я совсем забыла про кружку с чаем, оставленную тут с вечера!

Закончив вчера с домашним заданием, я села почитать. Глаза слипались от усталости, но я не могла бросить героев на главном сюжетном повороте. Притащила в комнату сразу три чашки, чтобы не отвлекаться и не бегать на кухню за питьем, зажгла свечи и включила музыку. Для таких случаев у меня есть плейлист с фоновым инди. Наслаждаясь в кои-то веки появившимся у меня свободным временем, так я и просидела до двух часов ночи.

И теперь мне приходится об этом пожалеть. Во-первых, голову от подушки я отрываю с титаническими усилиями. Уверена, в этом виноваты килограммовые мешки под глазами. Во-вторых...

Когда я, черт побери, научусь относить кружки обратно на кухню?!

По полу растекается лужица зеленого чая. В ней уже плавает мой телефон, продолжая обиженно поскуливать уведомлениями. Еще чуть-чуть, и там же окажется «Шестое чувство» Даны Делон. О нет, пора спасать свое лекарство от жестокой реальности!

Подхватываю книгу, телефон, кладу их на кровать и с тяжелым вздохом отправляюсь в ванну за шваброй. Наведя порядок, открываю мессенджер. Вика прислала мне гороскоп.

Святые шпильки! И ради этого я проснулась на полчаса раньше будильника?

Львы, не теряйте бдительности. Все намного сложнее, чем кажется.

Следом идет приписка о том, что это наверняка о Паше, и еще тонна сообщений со словом «СВИДАНИЕ», написанных капслоком. Я фыркаю.

И снова наступаю во что-то мокрое. Да, бдительность мне терять точно не стоит. Под кроватью-то я чай не вытерла!

После двух пар древнерусского я на собственной шкуре понимаю, каково было крестьянам, которых в былые времена на Руси истязали плетками посреди площади.

Поначалу ничего не предвещало беды. Георгий Семенович, стоя за кафедрой, рассказывал о разнице большого и малого юса. Простейшая тема, с которой я разобралась еще в девятом классе, готовясь к олимпиаде по русскому. В общем, я решила воспользоваться случаем и почитать книгу. А что? Вчера я остановилась на моменте, где Лили с Адамом

пришли на Пьяцце Венеция, и тут начался дождь. Я знала, я чувствовала, что здесь должен быть поцелуй. И оказалась права! Они зашли под навес, и Адам чмокнул Лили в щеку.

Эх, только в щечку? И зачем они спрятались под навесом? А как же поцелуй под дождем?

Знаю, банальщина. Но порой именно такой сладкой банальщины – от которой аж скулы сводит – мне в жизни и не хватает. В реальности ее просто нет, в этом все дело. Этим миром правят деньги и связи, а не любовь. Я всегда это знала, а за год работы в «Абсенте» лишь сильнее в этом убедилась.

И все же фрагмент красивый.

Моим одноклассникам он тоже понравился. Георгий Семенович, заметив, что я занимаюсь «неподобающими вещами» у него на паре, заставил меня сначала зачитать отрывок вслух, а затем перевести его на древнерусский. Публичную порку я выдержала – причем с достоинством. Текст перевела, еще и дополнительные баллы за это выторговала. Не на ту напал! Звание лучшей ученицы в группе у меня так просто не отберешь!

– Расскажешь про книгу переводчицам, и они в тот же день узнают, на какой линии Садовода ты купила свою Prada, – предостерегающе шепчу я на ухо Вике, когда мы выходим из аудитории.

– Эй, это запрещенный метод!

Королева поправляет на плече ремешок паленой сумки. У нее все бренды с рынка, и больше всего на свете она пе-

реживает, что об этом узнает кто-нибудь, кроме меня. Само собой, я не собираюсь никому рассказывать, но припугнуть эту болтушку стоит. На случай, если она забыла, что одно из наших правил – распускать любые сплетни, но не друг о друге.

– И вообще, никому нет дела до того, что ты читаешь, Марго. Это ведь не порнушка.

Порнушку я тоже читаю, но, наверное, сейчас не лучшее время, чтобы говорить об этом Королевой. Судя по тому, как сдвинуты ее густые брови, мои слова про Prada ее задели.

И все же Вика в привычной манере берет меня под руку и тащит в сторону туалета. Закрыв дверь, первым делом достает из сумки длинную кислую мармеладку и закидывает в рот. Королева сидит на вечной диете, но подход у нее своеобразный. Вместо того, чтобы питаться правильно, она ест мало – и обязательно что-то вредное, но вкусное.

– Такими темпами ты никогда не похудеешь, только желудок испортишь, – ворчу я.

– Я чуть-чуть!

Закатываю глаза.

– Необязательно есть мало. Главное, чтобы питание было сбалансированным. Сколько раз мы это обсуждали?

Королева вытаскивает из сумки еще одну мармеладку-ленточку, бросая на меня недовольный взгляд.

– Это не еда, а мои маленькие радости. Они в счет дневной нормы калорий не идут!

Вздыхаю. Эту упрямую козу не переубедить. В рот отправляется третья мармеладка, а потом из сумки выныривает помада.

– На, хоть губы подкрась!

Королева протягивает ее мне. Она пыльно-розовая, той же фирмы, которой пользуется визажист у нас в клубе.

– Нет, спасибо. Не надо.

Я кривлюсь.

– Еще как надо! Ты бледная, как тень! Ты вообще спишь, Каблукова?

Неопределенно развожу руками. Вика хватается меня за запястье и подтаскивает к зеркалу. Стоящая там первокурсница в страхе отлетает в сторону и чуть не врезается в сушилку для рук. Та включается, и мы вдвоем вздрагиваем.

– Извиняюсь.

Королева бросает это исключительно для приличия, затем ставит сумку на край раковины и выуживает оттуда косметичку. Да, целую косметичку. Без тетрадей и ноутбука Вика в вуз прийти может, а вот без нее нет.

– Сейчас будем приводить тебя в приличный вид... О май гад!

Вика даже не пытается приблизиться к британскому акценту. Ладно, сейчас еще простительно, но ведь на парах она говорит так же. И это после двух семестров практической фонетики!

Боюсь представить, что творится на уроках у моей мамы.

Она преподает английский в школе. С этого года она работает только со старшими классами, но раньше из-за нехватки кадров на ее плечах лежали еще и восьмые. Дома я ее практически не видела. Мы пересекались только поздними вечерами на кухне, обменивались парой фраз вроде «Суп на плите», «Уроки сделала», порой и вовсе оставляли друг другу записки на холодильнике. Если мама не проверяла очередную стопку тетрадей, то после ужина уходила к подруге, где они вдвоем часами читали детективы Дарьи Донцовой. Мне она никогда об этом не говорила, но через стенку я отлично слышала, как отец заставлял ее каждый раз по возвращении домой пересказывать сюжет. Наверное, от мамы мне и передалась любовь к «несерьезным» книгам.

В остальном моим воспитанием занимался отец.

Удивительно, как я выжила.

– Заюш, это предательство! Ты почему мне не сказала, что я так ужасно выгляжу?

Королева прилипает к зеркалу, решив первым делом в «приличный вид» привести себя. Вика одергивает и без того хорошо сидящую кофту с вырезом в виде сердечка на груди, затем разглаживает нежно-голубую юбку. Чуть позже дело доходит до челки – очередного последствия ее трендовой зависимости и чрезмерного доверия лайфхакам из соцсетей. Пока она тщетно пытается ее уложить, я стою в стороне, опершись плечом о кабинку, и пассивно наблюдаю за ее муками.

Королева лучшая на потоке, когда дело касается макияжа, модных шмоток и охмурения мальчиков. Я лучшая в учебе, и меня вполне устраивает мое место. Ну а по поводу внешнего вида... Не могу сказать, что я хожу на пары в первом, что свалится из шкафа. Я люблю выглядеть красиво, элегантно, но так, как Вика, никогда не заморачиваюсь. Сегодня на мне оливковая блузка и широкие классические брюки. С утра пораньше Королева уже высказала свое «фи» по поводу простых изумрудных пусетов у меня в ушах. «Ты со своих учеников немислимые суммы дерешь, зай. Я не верю, что у тебя нет сережек покрупнее!» – отчитала меня она. Я лишь махнула рукой.

Знала бы она, какие суммы я получаю на самом деле...

– Как вообще вышло, что вы с Воронцовым сошлись? Ты мне толком и не объяснила вчера ничего.

Вика наконец отрывается от зеркала и принимается замазывать консилером мои темные круги под глазами. Это уже второй слой, но, видимо, первый, который я нанесла сама перед выходом, Королеву не устроил.

– Говорю же, мы не вместе.

– Да ладно, зай, мне-то хоть не ври! – Вика бросает на меня укоризненный взгляд. – Ты же знаешь, я только за. Говорят, он богатенький. Переводчицы как-то видели его на «Мерсе». То ли у вуза, то ли у спортзала какого-то, не помню.

– Да не свидание это!

– Это ты так думаешь, – Вика меняет консилер на тушь и подкрашивает мне ресницы. – В гороскопе сказано, все сложнее, чем кажется. Наверняка он в тебя втюрился, а ты просто пока этого не замечаешь.

– Нет у нас с ним ничего, Королева, и ничего не будет!

Вика кривится, услышав нелюбимый вариант фамилии.

– Почему?

Я задумываюсь. Действительно, почему? Он ведь симпатичный, обеспеченный. Почему он меня не устраивает?

Потому что у него есть девушка!

И потому что он знает мою тайну.

Но ведь и Антон знал...

Стархов со мной познакомился как с Текилой. Для Паши же изначально я была Марго – правильной умной девочкой с двумя косичками. Отношения с Антоном начались в клубе, там же они и закончились. А Воронцов... Он знает мою слабую сторону. Он может атаковать с фронта и с тыла одновременно. Это небезопасно. Нужно срочно отодвигать границы, пока враг не зашел слишком далеко. Не хочу потом, как Болконский, лежать окровавленной под небом Аустерлица и вздыхать о том, какой могла бы быть моя жизнь, не рискуй я понапрасну.

– Оно того не стоит.

– Не разбрасывалась бы ты парнями, заюш! – Вика цокает языком. – На Дайвинчике³ таких днем с огнем не сыщешь.

³ Сайт знакомств.

Про Мамбу и Пур я вообще молчу. Или как там его? Пуре?
– Пьюр⁴.

– Да, тот самый. Это целая энциклопедия фетишей, ей-богу! Вот ты знала, что некоторым нравится, когда их бьют током по соскам?

Пара девчонок из очереди в туалет оглядываются на нас.

– Что? Не мне же!

Королева бросает на них свой любимый взгляд под названием «Боже, какие вы тупые!», затем возвращается к моему макияжу. Вика все-таки подкрашивает мне губы той розовой помадой и торжественно объявляет:

– Все, готово!

– Спасибо, королева всех визажистов!

Смотрю в покрытое разводами зеркало. Даже с легким макияжем я выгляжу сногшибательно. Широко распахнутые оливковые глаза, острый подбородок, верхняя губа чуть отстает от нижней – следствие моего детского безрассудства.

Однажды я решила прокатиться на скейте по поручням у входа в подъезд. Прошу без осуждений! Мне было двенадцать, и мне очень хотелось утереть нос одной девчонке, которая вечно называла меня заучкой и говорила, что я только и умею, что книжки читать. После очередной подобной издевки я схватила ее скейт и устроила представление в стиле цирка дю Солей.

К сожалению, в этом представлении я оказалась клоуном.

⁴ Приложение для знакомств.

На скейте я до этого ни разу не каталась. Да если бы и каталась, вряд ли бы мне это помогло. Скейт проскользил по перилам настолько быстро, что я даже моргнуть не успела, как оказалась впечатанной носом в асфальт.

– Зачем ты туда полезла? – кричал на меня отец по дороге в травмпункт. – Не твое – не берись! Ты мягкотелая домашняя девчонка. Кому ты что хотела доказать? Сидела бы дома, учила уроки, ничего бы не случилось!

Кусок отколотого резца пришлось наращивать. На разбитую губу наложили три шва. Не знаю, было ли все настолько плохо или мне просто попались криворукие хирурги, но уздечку укоротили. С тех пор моя верхняя губа чуть вздернута и вывернута наружу. В начале прошлого года Пина пыталась шутить по этому поводу, называя меня надувной куклой с вечно открытым ртом – ясно, для каких игр, – но, поняв, что меня это не задевает, быстро прекратила. Я давно приняла эту черту своей внешности. Многие девчонки специально подкачивают губы, чтобы достичь такого эффекта, а мне он достался по стечению обстоятельств. Что же в этом плохого?

Я причмокиваю губами, распределяя помаду. На долю секунды они слипаются, а затем раскрываются, как бутон, издавая искрящиеся звуки взрывной карамели. Где-то в глубине моего сознания довольно улыбается Текила, но я тут же себя одергиваю.

Нет-нет, сегодня никакой охоты на парней! Только встреча с Воронцовым.

Проверяю сообщения. С начала обеденного перерыва прошло уже десять минут, а Паша так ничего и не написал. Может, никакого разговора не будет? Может, он просто пошутил тогда про лекцию, чтобы для Вики наш диалог прозвучал правдоподобнее?

Если и так, в другой день мне все равно придется поговорить с ним про клуб и как-то заставить его сохранить мой секрет. Знать бы еще, как...

Королева подходит к зеркалу и снова принимается за свою челку. Причитая по очередному неудавшемуся мэтчу с сайта знакомств, она приглаживает прядки рукой и закрепляет их невидимками. Сдалась. Не вынесла душа поэта позора лезущих во все стороны лохм. Готова поспорить, ближайший месяц так и будет ходить с заколками или ободком.

Дзынь! На экране высвечивается сообщение от Паши. Я записала его как «П». От слова «Проблема».

Жду тебя внизу, Текила.

Так и хочется сказать: «Ждать тебе еще долго. В университетском кафе текилу не подают». Отмечаю сообщение прочитанным и докладываю Вике, что ухожу.

– Давай-давай, львица! Удачи на охоте! Помада не особо стойкая. Слишком активно не целуйтесь.

Я в сотый раз бурчу, что это лишь деловая встреча, однако стоит мне войти в кафе, как мои ожидания разбиваются в пух и прах.

– Все-таки пришла на свидание?

Паша приветливо улыбается, когда я подсаживаюсь к нему за столик. Там стоят два кусочка чизкейка и пара бу-мажных стаканчиков с кофе.

– Свидание? Когда это я успела стать твоей девушкой?

Я корчу презрительную мину, но кофе к себе придвигаю. Работа в «Абсенте» научила меня многим полезным вещам, в том числе принципу «Дают – бери».

– Воронцов, мы с тобой всего два дня общаемся. И вообще, ты меня звал на лекцию. Путаешься в показаниях.

– Мы так-то месяц уже на одном направлении учимся, – он внаглую игнорирует мое второе замечание. – А вчера даже ночь вместе провели, Теки...

Я шикаю на него, озираясь по сторонам. Ему доставляет особое удовольствие меня подставлять, да? Благо выжившие после двух пар студенты сейчас заняты более важным делом, чем подслушивание наших разговоров. Столпившись в другом углу кафе, они пытаются выудить из автомата застрявший там онигири. Какой-то амбал в итоге не выдерживает, подходит к стеклянному шкафу и начинает лупить его по бокам.

Ну да, это определенно поможет.

Работница столовой, пожилая женщина в фартучке, охает и кидается на помощь несчастной машине. Та чуть не падает на нее, но амбал вовремя подхватывает автомат, спасая буфетчицу, как Эдвард Беллу в знаменитых «Сумерках». Уверена, уже завтра в «Подслушке» универа появится по этому

поводу мем.

У нас в вузе каждая, даже самая незначительная, мелочь превращается в новость международного масштаба. Поэтому я так и боюсь любого слова на «Т», которое слетает с губ сидящего напротив меня парня.

Весьма красивых губ, кстати. Не особо полных, слегка даже суховатых и местами потрескавшихся. Нижняя чуть больше верхней, и в том, как он ее прикусывает, определенно что-то есть.

Стоп! Он ее прикусывает?

– Воронцов, ты уточняй, пожалуйста, при каких обстоятельствах. А то звучит... весьма интересно.

Если бы у меня был термометр, который мог бы мерить теплоту голоса, ртуть бы в нем сейчас опустилась до самого нижнего деления. А потом, не выдержав, он и вовсе бы треснул и разлетелся на миллион ледяных осколков.

Паша проводит рукой по волосам, взъерошивая каштановые кудри, и бессовестно улыбается.

– Мне теперь каждый раз подробно расписывать, как ты танцевала передо мной практически в одном корсете?

– Нет!

Я хлопаю себя по лбу, заливаясь краской. Краем глаза вижу, что на нас уже с интересом поглядывает компания девочек за соседним столом. Шоу с онигири закончилось, и они тут же нашли себе новое. Не дай бог француженки!

– Через раз, значит?

Паша продолжает испытывать мое терпение. Он делает глоток кофе, затем опускает стакан на стол и принимается крутить крышку. Такими темпами у меня скоро начнется нервный тик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.